

ПУШКИН А.С. ТЕНЬ БАРКОВА: ТЕКСТЫ. КОММЕНТАРИИ. ЭКСКУРСЫ

Издание подготовили И.А. Пильщиков и М.И. Шапир

М.: ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ, 2002. 497 с.
(PHILOLOGICA RUSSICA ET SPECULATIVA; Т. II)

Еще в 1930-е годы М.А. Цявловский собирался издавать “Тень Баркова” с обширным комментарием в рамках малотиражного приложения к тогдашнему академическому “Полному собранию сочинений” А.С. Пушкина. Издание, как известно, не состоялось. Редакторы современного академического издания произведений Пушкина, застрявшего пока что на первом томе (лицейские стихотворения), не сочли нужным или возможным включить “Тень Баркова” хотя бы в раздел “Dubia”.

Рецензируемое издание представляет собой, в сущности, дополнение к новому академическому собранию сочинений А.С. Пушкина. И действительно, по своему пафосу, размаху и филологическому исполнению новая публикация “Тени Баркова” получилась прямо-таки сверхакадемическая. Возникает несколько парадоксальная картина: обценная баллада юного Пушкина длиной в 288 стихов ныне снабжена внушительнейшим критическим аппаратом и комментариями в несколько сотен страниц – тем самым она оказалась в одном ряду с такими произведениями как, скажем, “Памятник” (которому посвящена целая книга М.П. Алексеева) или не раз комментировавшийся “Евгений Онегин”.

Сомневаться в том, что именно А.С. Пушкин был автором (или, по крайней мере, основным соавтором) “Тени Баркова”, больше не приходится – именно такое убеждение складывается после ознакомления с книгой. Еще М.А. Цявловский вполне убедительно атрибутировал балладу Пушкину, проследив восходящие к кругу лицейстов сведения об авторстве и сопоставив фразеологию и стилистику текста с творчеством Пушкина-лицейста. Аргументацию Цявловского И.А. Пильщиков и М.И. Шапир подкрепляют множеством дополнительных лексико-фразеологических и ритмико-синтаксических параллелей между “Тенью Баркова” и стихами раннего Пушкина. Сверх того исследователи демонстрируют, что “поэтическая идеология” баллады “безукоризненно „вписывается“ в общий контекст лицейского творчества Пушкина” (с. 14). Весомым аргументом в пользу пушкинского авторства (см. с. 114) является также анализ стиха “Тени Баркова” в сопоставлении

с написанными тем же размером произведениями Пушкина (“Пирующие студенты”, “Мечтатель”), В.А. Жуковского (“Громобой”, “Певец во стане Русских воинов”), К.Н. Батюшкова и А.Е. Измайлова (“Певец, или Певцы в Беседе Славено-Россов”).

Поскольку “Тень Баркова” сохранилась лишь в неисправных списках, издатели в первой части книги предприняли попытку реконструкции текста, пытаясь воссоздать подлинный облик поэмы путем контаминации различных списков и одновременной эмендации (исправления) орфографии, пунктуации и метрики. Внесенные исправления основаны на изучении правописания и пунктуации А.С. Пушкина в автографах его лицейских произведений. Немаловажным результатом реконструкции текста является также установление того факта, что разночтения в сохранившихся списках обусловлены существованием, по меньшей мере, двух редакций баллады.

Реализация текстологических приемов, разработанных И.А. Пильщиковым и М.И. Шапиром, проведена на редкость последовательно. Стих за стихом сообщается источник текста и обосновывается, почему варианту одного списка отдано предпочтение перед другим (с. 45–64); затем стих за стихом оговариваются, с привлечением ранних пушкинских рукописей, принципы предпочтения одного варианта правописания другому (с. 64–91); в третьей группе текстологических примечаний даются в обобщенном виде подробные сведения о пунктуации Пушкина-лицейста (упорядоченные по типам синтаксических конструкций и по видам знаков препинания), послужившие ориентиром для пунктуационного режима “Тени Баркова” (с. 91–108); четвертая группа посвящена вопросам стихосложения и призвана оправдать исправления в реконструируемом тексте, связанные с ритмическими особенностями молодого Пушкина (с. 108–114). Издатели не скромничают (но, скорее всего, и не ошибаются), видя в своем подходе “прецедент, который (...) сыграет свою роль в текстологии русской классической литературы” (с. 22).

Исследователям, которых не убедят текстологические выводы авторов издания (или же буква-

листам, которым не по вкусу сам принцип реконструкции текста), предоставляется возможность обратиться к источникам поэмы, оставленным без филологического вмешательства: в приложениях воспроизводятся “с предельной точностью” (с. 120) два наиболее ранних списка “Тени Баркова” начала и середины 1820-х годов (а также альтернативная реконструкция текста М. А. Цявловского).

Вторую, еще более обширную часть книги (с. 157–352), занимают комментарии к “Тени Баркова”. Основу этого раздела составляет неостребованная в свое время работа М. А. Цявловского, уже известная по журнальной публикации [1]. Комментарии видного пушкиниста, в свою очередь, снабжены весьма обширным (388 примечаний!) и тщательным публикаторским аппаратом. В исследовании Цявловского освещены практически все аспекты баллады – публикационная история, обстоятельства и историко-литературный фон ее возникновения, аргументы в пользу атрибуции произведения Пушкину (в том числе, большое количество лексических и фразеологических совпадений с другими раннелицейскими стихотворениями Пушкина), а также отечественная литературная традиция.

Без удовлетворительного решения М. А. Цявловским (и всеми другими авторами книги) оставлена разве что проблема западноевропейской традиции, которую продолжает пушкинская баллада. В качестве источника приводится текст знаменитой “Оды Приапу” Алексиса Пирона; между тем отношение оды Пирона к поэме Пушкина ограничивается, в сущности, всего лишь обильным применением непечатной лексики. Французскую традицию obsceno-эротического стихотворного повествования, в русле которой находится “Тень Баркова”, еще предстоит выявить.

К комментарию Цявловского добавлен указатель встречающихся в “Тени Баркова” слов и значений, не представленных в “Словаре языка Пушкина”. Учтено около восьмидесяти новых лексем.

Третья часть (“Экскурсы”) прямого отношения к “Тени Баркова” не имеет. В собранных там исследованиях, посвященных obsceno-эротической литературе, освещается историко-литературный контекст пушкинской баллады. Раздел открывает исполненный А. А. Илюшиным своеобразный перевод-стилизация оды Пирона в духе языка и поэзии XVIII века – эта работа тоже уже была известна по журнальной публикации [2].

В статьях А. А. Добрицына исследуются французские истоки произведений из сборника “Девичья игрушка”. В первой статье указаны параллели и текстуральные совпадения со стихотворениями из французского сборника 1618 г. “Cabinet satyrique”; во второй статье рассмотрены следы влияния фривольных стихотворений Ж.-Б. Руссо на

барковиану. Исследователь обнаружил, что целый ряд русских obscennых эпиграмм XVIII века – это точные переводы французских текстов, восходящих отчасти еще к началу XVII века. Отметим не без удовлетворения, что находки и наблюдения А. А. Добрицына частично пересекаются с положениями опубликованной одновременно статьи автора настоящих строк [3].

Проблеме воздействия барковианы на русскую литературу посвящены работы М. И. Шапира и И. А. Пильщикова. Последний демонстрирует на примере стихов И. М. Долгорукова принцип “обратной перелицовки” – перепева obscennых стихов на приличный лад; исследователь усматривает в этом “важный механизм поэтической эволюции” (с. 460). Центральное место – по объему и по значению – в “Экскурсах” занимает статья М. И. Шапира “Барков и Державин: Из истории русского бурлеска” (с. 397–457). Автор убедительно доказывает, что влияние барковианы на поэзию Г. Р. Державина не ограничивалось сознательным заимствованием отдельных мотивов и образов: оно распространялось и на такие бессознательно воспринятые элементы, как строфика, рифмовка, ритм, включая “основной принцип” державинской поэтики – «бурлескное соединение “приподнятого”, одического стиха и слога с “низкими” темами и бытовой лексикой» (с. 435). Содержание статьи значительно шире намеченной в названии темы: мимоходом раскрываются, к примеру, целые десятки ломоносовских и сумароковских источников пародийных реминисценций в барковианских одах и драмах.

Последние две статьи посвящены пушкинским произведениям. И. А. Пильщиков дополняет и исправляет комментарии к “Царю Никите”, составленные Г. А. Левинтоном и Н. Г. Охотиным [4]. Вторая статья М. И. Шапира – о связи фавулы “Домика в Коломне” с obscennым фольклором – была ранее напечатана в другом месте [5], что, впрочем, в книге не отмечено.

Кстати сказать, погрешности весьма немногочисленны: в названии журнала британского общества исследователей России XVIII века не хватает последнего слова: “Study Group on Eighteenth-Century Russia Newsletter” (с. 348); при ссылке на труд F. Lachèvre (с. 387) не лишним было бы указать и первое издание (1914), а не только стереотипный репринт (1968); немецкое слово *Besprechung* ‘рецензия’ написано *Beschprechung* (с. 479). Опечаток не обнаружено; их нет даже в иноязычных цитатах и библиографических ссылках – случай исключительной редкости в современной российской издательской практике и всяческой похвалы достоин.

Издание, подготовленное И. А. Пильщиковым и М. И. Шапиром, в немалой степени полемично

по отношению к готовящемуся новому академическому “Полному собранию сочинений” А.С. Пушкина. Исследователи своим текстологическим подходом как бы демонстрируют петербургским коллегам из Пушкинского Дома, как именно должно выглядеть строго научное издание классика. Это хорошая, полезная полемичность, побуждающая к поискам лучшего решения, вырабатывающегося в ходе дискуссий. Укажем хотя бы на вопрос о целесообразности применения старой или новой орфографии в историко-критических изданиях классиков: авторы книги обоснованно отстаивают необходимость воспроизведения аутентичного правописания в публикациях сугубо научного типа.

К сожалению, полемика иногда принимает формы, которые вряд ли служат научной пользе. Сомнительным приемом кажется не раз встречающиеся в предисловии отсутствие прямого именованного оппонентов: “один историк”, “известный современный пушкинист” (с. 13, 14). Кто конкретно подразумевается (А.И. Рейтблат, С.А. Фомичев), видно по указателю имен, где соответствующие страницы набраны курсивом – в соответствии с принятым в издании правилом: так делается всякий раз, “если носитель имени прямо не назван, но подразумевается” (с. 488). Читатель, однако, остается в недоумении, поскольку нет никаких объективных причин, которые мешали бы

в указанных выше местах прямо назвать “носителя имени”.

Подобные полемические передержки тем более досадны, что в целом это филологически солиднейшее, текстологически новаторское издание оставляет прекрасное впечатление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Цявловский М.А.* Комментарии / Публ. Е. С. Шальмана; Подгот. текста и примеч. И. А. Пильщикова // *Philologica*. 1996. Т. 3. № 5/7. С. 159–286.
2. *Илюшин А.А.* Запоздалый перевод эротико-приапейской оды: (Alexis Piron, “Ode a Priape”) // *Philologica*. 1994. Т. 1. № 1/2. С. 247–264.
3. *Schruba M.* Русская обценная эпиграмма XVIII века (переводы с французского) // *Russ. Lit.* 2002. Vol. LII. № I/III. P. 161–180.
4. *Левинтон Г.А., Охотин Н.Г.* “Что за дело им – хочучи...”: О литературных и фольклорных источниках сказки А.С. Пушкина “Царь Никита и 40 его дочерей” // *Лит. обозрение*. 1991. № 11. С. 28–35.
5. *Шанур М.И.* Пушкин и русские “заветные” сказки: (о фольклорных истоках фабулы “Домика в Коломне”) // *Пушкинская конференция в Стенфорде*, 1999: Материалы и исслед. М., 2001. С. 200–207.

Манфред Шруба (Германия)